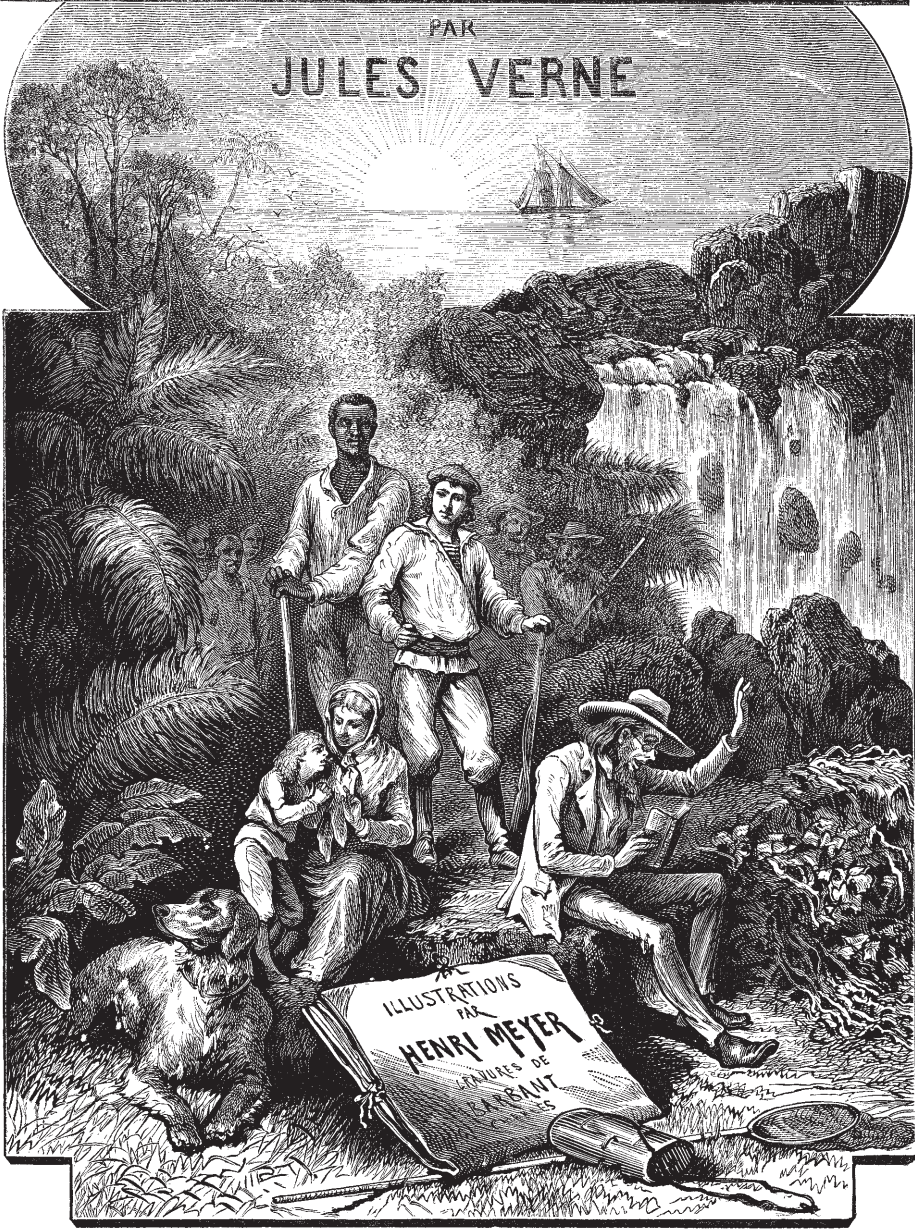

БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

ЖЮЛЬ ВЕРН

UN CAPITAINE DE QUINZE ANS

PAR
JULES VERNE

ЖЮЛЬ ВЕРН

Пятнадцатилетний
капитан

ИЛЛЮСТРАЦИИ
АНРИ МЕЙЕРА

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2018

УДК 821.161.1
ББК 84.(4Фра.)6-я5
В35

Перевод с французского
И. Петрова

Рисунок на переплете
А. Сальникова, И. Воронина

Жюль Верн

В35 Пятнадцатилетний капитан / — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 351 с.: ил.— (Большая иллюстрированная серия).

ISBN 978-5-9922-2608-9

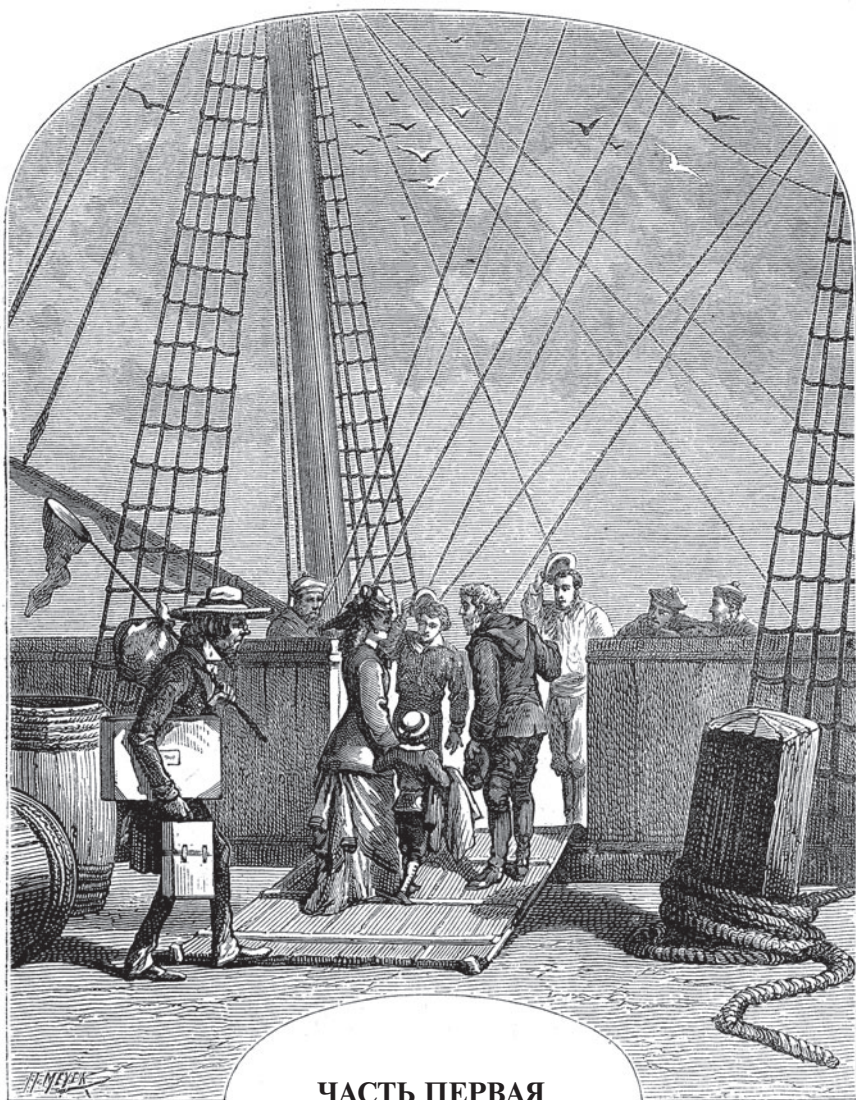
Возглавить корабль в возрасте пятнадцати лет? Нонсенс. Мгновенное повышение от юнги до капитана — ерунда. Но что делать, если все остальные — взрослые, умелые, опытные — погибли и ты остался единственным, кто обладает хоть какими-то навыками кораблевождения? Дик Сэнд должен спасти корабль и пассажиров. Спасти и вывести их к цивилизации. Вот только в числе этих людей, людей, которым он доверял и ради спасения которых не жалел сил, есть тот, кому совершенно нежелательно благополучное возвращение пострадавшего судна к родным берегам. Работорговец. Преступник и предатель. Немало трудностей предстоит преодолеть юноше и его спутникам во время плавания, а затем и во время длительных скитаний по африканским джунглям.

В настоящем издании воспроизводится полный комплект из 95 иллюстраций известного французского художника Анри Мейера.

УД 821.161.1
ББК 84.(4Фра.)6-я5

ISBN 978-5-9922-2608-9

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I ШХУНА «ПИЛИГРИМ»

Второго февраля 1873 года топсельная шхуна «Пилигрим» находилась под $43^{\circ}57'$ южной широты и $165^{\circ}19'$ западной долготы от Гринвича. Это судно водоизмещением четыреста тонн, снаряженное в Сан-Франциско для охоты на китов в южных морях, принадлежало богатому калифорнийскому судовладельцу Джемсу Уэлдону; командовал судном уже много лет капитан Халл.

Джемс Уэлдон ежегодно отправлял целую флотилию судов в северные моря, за Берингов пролив, а также в моря Южного полушария, к Тасмании и к мысу Горн. «Пилигрим», хотя и один из самых маленьких кораблей флотилии, считался среди них одним из лучших. Ход у него был отличный. Превосходная, очень удобная оснастка позволяла ему с небольшой командой доходить до самой границы сплошных льдов Южного полушария. Капитан Халл умел лавировать, как говорят моряки, среди плавающих льдин, дрейфующих летом южнее Новой Зеландии и мыса Доброй Надежды, то есть на гораздо более низких широтах, чем в северных морях. Правда, это только небольшие айсберги, уже потрескавшиеся и размытые теплой водой, и большая часть их быстро тает в Атлантическом или Тихом океанах.

На «Пилигриме» под началом капитана Халла, прекрасного моряка и одного из лучших гарпунщиков южной флотилии, находился экипаж из пяти матросов и одного младшего матроса. Этого было достаточно, так как охота на китов требует довольно большого экипажа для обслуживания шлюпок и для разделки добытых туш. Но мистер Джемс Уэлдон, как и другие судовладельцы, считал, что гораздо выгоднее нанимать в Сан-Франциско лишь матросов, необходимых для управления кораблем. В Новой Зеландии не было недостатка в искусных гарпунщиках и матросах всех национальностей, безработных или просто сбжавших со своего корабля, всегда готовых наняться на один сезон. По окончании промыслового рейса они получали расчет и ждали на берегу следующего года, когда их услуги снова могли понадобиться китобойным судам. При такой системе судовладельцы экономили немалые суммы на жалованье судовой команды и увеличивали свои доходы от промысла.

Именно так поступил и Джемс Уэлдон, снаряжая в плавание «Пилигрим».

Шхуна только что закончила китобойную кампанию вблизи Южного полярного круга, но в ее трюмах оставалось еще много места для китового уса и немало бочек, не заполненных ворванью. Уже в то время китовый промысел был нелегким делом. Киты стали редкостью: сказывались результаты их беспощадного истребления. Настоящие киты, которых на севере называют гренландскими, а на юге австралийскими, начали исчезать, и охотникам приходилось промышлять полосатиков¹, охота на которых представляет немалую опасность.

Так же вынужден был поступить на этот раз и капитан Халл, но он рассчитывал пройти в следующее плавание в более высокие широты — если понадобится, вплоть до Земли Клери и Земли Адели, открытых, как

¹ Настоящие киты дают охотникам ворвань (китовый жир) — ценное промышленное сырье — и китовый ус. Китовый ус — роговые пластины — употребляется для изготовления разных изделий. Полосатики дают только ворвань; пластинки китового уса у них развиты слабо.

это твердо установлено, французом Дюмоном-Дюрвилем на «Астролябии» и «Зеле», хотя это и оспаривает американец Уилкс.

В общем, «Пилигриму» в этом году не повезло. В начале января, в самый разгар лета в Южном полушарии, то есть задолго до конца промыслового сезона, капитану Халлу пришлось покинуть место охоты. вспомогательная команда — сборище довольно темных личностей — вела себя дерзко, нанятые матросы отлынивали от работы, и капитан Халл вынужден был расстаться с ней.

«Пилигрим» взял курс на северо-запад, к Новой Зеландии, и 15 января прибыл в Вайтемату, порт Окленда, расположенный в глубине залива Хаураки на восточном берегу северного острова. Здесь капитан высадил китобоев, нанятых на сезон.

Постоянная команда «Пилигрима» была недовольна: шхуна недобрала по меньшей мере двести бочек ворвани. Никогда еще результаты промысла не были столь плачевны.

Больше всех недоволен был капитан Халл. Самолюбие прославленного китобоя было глубоко уязвлено неудачей: впервые он возвращался с такой скудной добычей; и он проклинал лодырей, неповиновение которых сорвало промысел.

Напрасно пытался он набрать в Окленде новый экипаж: все моряки были уже заняты на других китобойных судах. Пришлось, таким образом, отказаться от надежды пополнить груз «Пилигрима», и капитан Халл собирался уже уйти из Окленда, когда к нему обратились с просьбой принять на борт пассажиров — с просьбой, на которую он не мог ответить отказом. В это время в Окленде находились миссис Уэлдон, жена владельца «Пилигрима», ее пятилетний сын Джек и ее родственник, которого все называли «кузен Бенедикт». Джемс Уэлдон, который изредка посещал Новую Зеландию по торговым делам и привез туда их всех троих, предполагал сам же и отвезти их в Сан-Франциско. Но перед самым отъездом маленький Джек серьезно занемог, и его отец, которого призывали в Америку неотложные дела, уехал, оставив в Окленде жену, заболевшего ребенка и кузена Бенедикта.

Прошло три месяца — три тяжких месяца разлуки, показавшихся бедной миссис Уэлдон бесконечно долгими. Постепенно маленький Джек оправился от болезни, и миссис Уэлдон уже могла уехать. Как раз в это время в Оклендский порт пришел «Пилигрим».

Дело в том, что для возвращения в Сан-Франциско миссис Уэлдон должна была сначала поехать в Австралию, чтобы там пересесть на один из трансокеанских пароходов компании «Золотой век», которые ходили из Мельбурна к Панамскому перешейку через Папезте. Добравшись до Панама, она должна была ждать американский пароход, курсировавший между перешейком и Калифорнией. Такой маршрут означал длительные задержки и пересадки, особенно неприятные для женщин, путешествую-

щих с детьми. Поэтому, узнав о прибытии «Пилигрима», миссис Уэлдон обратилась к капитану Халлу с просьбой доставить ее в Сан-Франциско вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и Нэн — старухой-негритянкой, которая вынырнула саму миссис Уэлдон. Совершить путешествие в три тысячи лье¹ на парусном судне! Но судно капитана Халла всегда содержалось в безукоризненном порядке, а время года было еще благоприятно для плавания по обе стороны экватора. Капитан Халл согласился и тотчас предоставил в распоряжение пассажирки свою каюту. Он хотел, чтобы во время плавания, которое должно было продлиться дней сорок — пятьдесят, миссис Уэлдон была окружена на борту китобойного судна возможно большим комфортом.

Таким образом, для миссис Уэлдон путешествие на «Пилигриме» представляло некоторые преимущества. Правда, плавание должно было несколько затянуться из-за того, что шхуне нужно было сначала зайти для разгрузки в порт Вальпараисо в Чили. Но зато после этого судну предстояло идти до самого Сан-Франциско вдоль американского побережья при попутных береговых ветрах.

Миссис Уэлдон, не раз делившая с мужем тяготы дальних странствий, была храбрая женщина, и море ее не пугало; ей было около тридцати лет, она отличалась завидным здоровьем и не боялась тягот и опасностей плавания на судне небольшого тоннажа. Она знала, что капитан Халл — отличный моряк, которому Джеймс Уэлдон вполне доверяет, а «Пилигрим» — надежный быстроходный корабль и на отличном счету среди американских китобойных судов. Случай представился, надо было им воспользоваться. И миссис Уэлдон им воспользовалась.

Разумеется, кузен Бенедикт должен был сопровождать ее.

Кузену было лет пятьдесят. Но, несмотря на довольно солидный возраст, было бы неразумно выпускать его одного из дому. Скорее сухопарый, чем худой, не то чтобы высокий, но какой-то длинный, с огромной взлохмаченной головой, с золотыми очками на носу — таков был кузен Бенедикт. В этом долговязом человеке с первого взгляда можно было распознать одного из тех почтенных ученых, безобидных и добрых, которым на роду написано всегда оставаться взрослыми детьми, жить на свете лет до ста и умереть с младенческой душой.

«Кузен Бенедикт» — так его звали не только члены семьи, но и посторонние, и он действительно был из тех простодушных добряков, которые кажутся всеобщими родственниками, — кузен Бенедикт никогда не знал, куда ему девать свои длинные руки и ноги; трудно было найти человека более беспомощного и несамостоятельного даже в самых обыденных, житейских вопросах. Нельзя сказать, что он был обузой для окружающих, но он как-то ухитрялся стеснять каждого и сам чувствовал себя

¹ Лье — французская единица длины, равная на море 5,556 км.

стесненным собственной неуклюжестью. Впрочем, он был неприхотлив, покладист, нетребователен, нечувствителен к жаре и холоду, мог не есть и не пить целыми днями, если его забывали накормить и напоить. Кажется, он принадлежит не столько к животному, сколько к растительному царству. Представьте себе бесплодное, почти лишенное листьев дерево, не способное ни приютить, ни накормить путника, но обладающее прекрасной сердцевиной.

Таков был кузен Бенедикт. Он охотно оказывал бы услуги людям, если бы в состоянии был оказывать их.

И его все любили, несмотря на его слабости, а может быть, именно за них. Миссис Уэлдон смотрела на него как на своего сына, как на старшего брата маленького Джека.

Следует, однако, оговориться, что кузен Бенедикт не был ни лентяем, ни бездельником. Напротив, это был неутомимый труженик. Единственная страсть — естественная история — поглощала его целиком.

Сказать «естественная история» — значит сказать очень многое.

Известно, что эта наука включает в себя зоологию, ботанику, минералогию и геологию.

Однако кузен Бенедикт ни в какой мере не был ни ботаником, ни минералогом, ни геологом.

Был ли он в таком случае зоологом в полном смысле этого слова — кем-то вроде Кювье¹ Нового Света, аналитически разлагающим или синтетически воссоздающим любое животное, одним из тех глубоких мудрецов, которые всю свою жизнь посвящают изучению тех четырех типов — позвоночных, мягкотелых, суставчатых и лучистых, — на какие современное естествознание делит весь животный мир? Изучал ли этот наивный, но прилежный ученый разнообразные отряды, подотряды, семейства и подсемейства, роды и виды этих четырех типов?

Нет!

Посвятил ли себя кузен Бенедикт изучению позвоночных: млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и рыб?

Нет и нет!

Быть может, его занимали моллюски? Быть может, головоногие и мшанки раскрыли перед ним все свои тайны?

Тоже нет!

Значит, это ради изучения медуз, полипов, иглокожих, губок, простейших и других представителей лучистых он до глубокой ночи жег керосин в лампе?

Надо прямо сказать, что не лучистые поглощали внимание кузена Бенедикта.

¹ Жорж Кювье (1769—1832) — известный французский натуралист, прославившийся исследованиями ископаемых животных; предложил классификацию животного мира, разделив его на четыре основных типа, эта классификация, которой пользуется здесь Жюль Верн, теперь устарела.

А так как из всей зоологии остается только раздел суставчатых, то само собой разумеется, что именно этот раздел и был предметом всепоглощающей страсти кузена Бенедикта.

Однако и тут требуется уточнение.

Суставчатых насчитывают шесть отрядов: насекомые, многоногие, паукообразные, ракообразные, усоногие, кольчатые черви.

Так вот, кузен Бенедикт, говоря научно, не сумел бы отличить земляного червя от медицинской пиявки, домашнего паука от лжескорпиона, морского желудя от креветки, кивсяка от сколопендры.

Кем же был в таком случае кузен Бенедикт?

Только энтомологом, и никем иным!

На это могут возразить, что энтомология уже по самому смыслу слова¹ есть часть естественной истории, занимающаяся изучением всех суставчатых. Вообще говоря, это верно, но обычно в понятие «энтомология» вкладывается более ограниченное содержание. Этот термин применяется только для обозначения науки о насекомых, то есть суставчатых беспозвоночных, в теле которых различаются три отдела — голова, грудь и брюшко — и которые снабжены тремя парами ног, почему их и называли шестиногими.

Итак, кузен Бенедикт был энтомологом, посвятившим свою жизнь изучению только класса насекомых.

Но не следует заблуждаться, думая, что кузену Бенедикту нечего было делать. В этом классе насчитывается не менее десяти отрядов:

прямокрылые (представители: кузнечики, сверчки и т. д.);

сетчатокрылые (представители: муравьиные львы, мошки);

перепончатокрылые (представители: пчелы, осы, муравьи);

чешуекрылые (представители: бабочки);

полужесткокрылые (представители: цикады, блохи);

жесткокрылые (представители: майские жуки, бронзовки);

двукрылые (представители: комары, москиты, мухи);

веерокрылые (представители: стилопсы, или веерокрылы);

паразиты (представители: клещи);

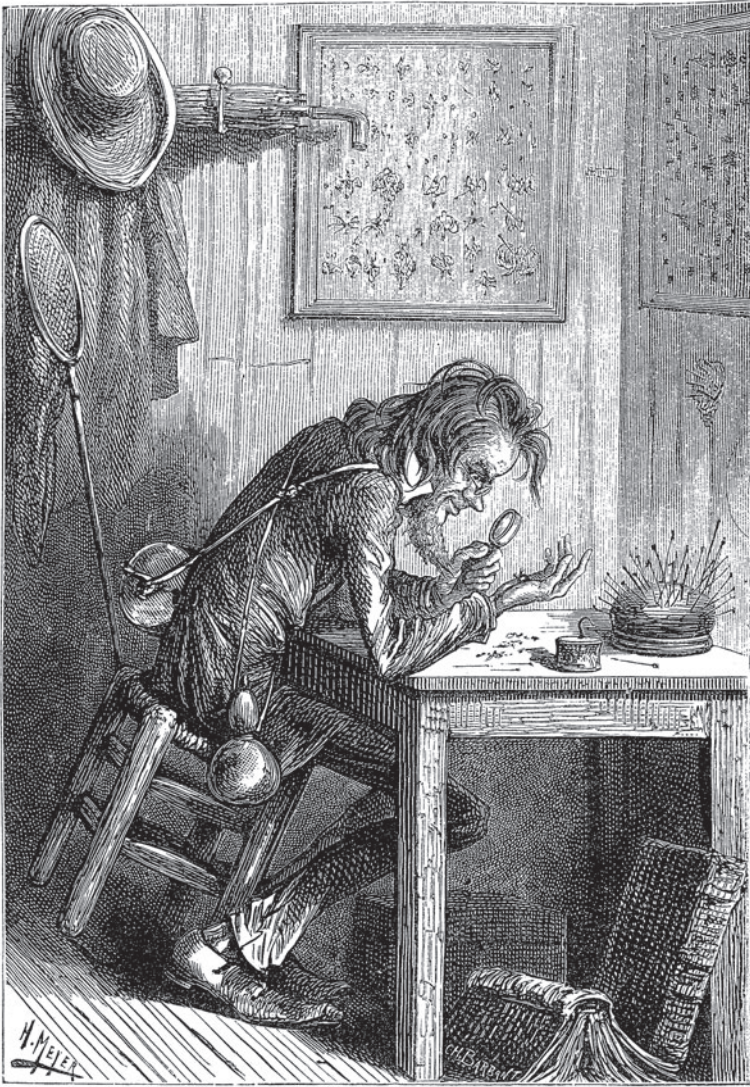
низшие насекомые (представители: чешуйницы).

И среди одних лишь жесткокрылых насчитывается не менее тридцати тысяч разных видов, а среди двукрылых — шестьдесят тысяч², поэтому нельзя не признать, что работы для одного человека здесь больше чем достаточно.

Итак, жизнь кузена Бенедикта была посвящена безраздельно исключительно энтомологии.

¹ Слово «энтомология» составлено из греческих слов: «энтмос» — «разделенный, рассеченный» и «логос» — наука.

² Теперь известно более миллиона видов насекомых, разделяемых более чем на 30 отрядов, из них свыше двухсот тысяч разновидностей жуков.

Кузен Бенедикт был энтомологом, посвятившим свою жизнь изучению только класса насекомых.

Этой науке он отдавал все свое время: не только часы бодрствования, но также и часы сна, потому что ему даже во сне неизменно грезились насекомые. Невозможно сосчитать, сколько булавок было вколото в обшлага его рукавов, в отвороты и полы его пиджака, в его жилет, в поля его шляпы. Когда кузен Бенедикт возвращался домой с загородной прогулки, всегда предпринимаемой с научной целью, его шляпа представляла собою витрину с коллекцией самых разнообразных насекомых. Наколотые на булавки, они были пришпилены к шляпе как снаружи, так и изнутри.

Чтобы дорисовать портрет этого чудака, скажем, что он решил сопровождать мистера и миссис Уэлдон в Новую Зеландию исключительно ради того, чтобы удовлетворить свою страсть к новым открытиям в энтомологии. В Новой Зеландии ему удалось обогатить свою коллекцию несколькими редкими экземплярами, и теперь кузен Бенедикт с понятным нетерпением рвался назад, в Сан-Франциско, желая поскорее рассортировать драгоценные приобретения по ящикам в своем рабочем кабинете.

И так как миссис Уэлдон с сыном возвращались на «Пилигриме» в Америку, вполне понятно, что кузен Бенедикт ехал вместе с ними. Однако в случае какой-нибудь опасности миссис Уэлдон меньше всего могла рассчитывать на помощь кузена Бенедикта. К счастью, ей предстояло совершить лишь приятное путешествие по морю, спокойному в это время года, и на борту судна, которое вел капитан, заслуживающий полного доверия.

В продолжение трех дней стоянки «Пилигрима» в Вайтемате миссис Уэлдон успела сделать все приготовления к отъезду. Она очень торопилась, так как не хотела задерживать отправление судна. Рассчитав туземную прислугу, которую наняла в Окленде, она 22 января перебралась на «Пилигрим» вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и старой негритянкой Нэн.

Кузен Бенедикт носил с собой в особой коробке всю свою драгоценную коллекцию. В этой коллекции, между прочим, хранилось несколько экземпляров жука-стафилина — плотоядного жесткокрылого, с глазами, расположенными в верхней части головы, которого до этого времени считали присущим только новокаледонской фауне. Кузену Бенедикту предлагали захватить с собой ядовитого паука «катино», как его называют маори¹, укус которого нередко бывает смертелен для человека. Но паук не принадлежит к насекомым, его место среди паукообразных, и, следовательно, он не представлял никакого интереса для кузена Бенедикта. А потому наш энтомолог пренебрежительно отказался от паука и по-прежнему считал самым ценным экземпляром своей коллекции новозеландского жука-стафилина. Конечно же кузен Бенедикт застраховал свою коллекцию, не пожалев денег на уплату страхового взноса. Эта коллекция, на его взгляд, была дороже, чем весь груз ворвани и китового уса в трюме «Пилигрима».

Когда миссис Уэлдон и ее спутники поднялись на борт шхуны и настала минута сниматься с якоря, капитан Халл подошел к своей пассажирке и сказал:

— Само собой разумеется, миссис Уэлдон, вы принимаете на себя всю ответственность за то, что решили отправиться на «Пилигриме».

— Почему вы это говорите, капитан Халл? — спросила миссис Уэлдон.

— Потому что я не получил никаких указаний на этот счет от вашего супруга, а плавание на шхуне не может быть таким легким и приятным, как на пакетботе², специально приспособленном для перевозки пассажиров.

¹ Маори — коренное население Новой Зеландии.

² Пакетбот — устаревшее название почтово-пассажирского судна.

— Как вы думаете, мистер Халл, — ответила миссис Уэлдон, — если бы муж был здесь, поколебался бы он совершить это плавание на «Пилигриме» вместе со мной и с нашим сыном?

— Конечно нет! — ответил капитан. — Не больше, чем поколебался бы я сам. «Пилигрим» — отличное судно, хоть промысловый сезон в этом году у него был неудачный, и я уверен в нем так, как только может быть уверен в своем судне моряк, командующий им много лет. Я сказал вам это, миссис Уэлдон, только для очистки совести и чтобы еще раз повторить, что вы не найдете здесь тех удобств, к которым привыкли.

— Если все дело сводится к удобствам, капитан Халл, — возразила миссис Уэлдон, — это меня не тревожит. Я не принадлежу к числу тех капризных пассажирок, которые все время жалуются на тесноту каюты или однообразное меню.

Миссис Уэлдон секунду смотрела на своего маленького сына, которого держала за руку, и закончила:

— Итак, в путь, капитан!

Капитан Халл тотчас же приказал поднять якорь. Через короткое время «Пилигрим», поставив паруса, вышел из Оклендского порта и взял курс к американскому побережью. Однако через три дня после отплытия с востока задул сильный ветер, и шхуна вынуждена была держать круто к ветру.

Поэтому 2 февраля капитан Халл все еще находился в широтах более высоких, чем ему хотелось бы, — в положении моряка, который намеревается обогнуть мыс Горн, а не плыть прямо к западному берегу Нового Света.

Глава II ДИК СЭНД

Погода стояла хорошая, и, если не считать задержки, плавание совершалось в сносных условиях.

Миссис Уэлдон устроили на борту «Пилигрима» как можно удобнее. На корабле не было ни юта¹, ни какой-то надстройки, а значит, не было и каюты для пассажиров. Миссис Уэлдон должна была удовольствоваться крошечной каютой капитана Халла, расположенной на корме. Деликатную женщину пришлось уговаривать занять ее. В этой тесной каморке вместе с нею поселились маленький Джек и старуха Нэн. Там они завтракали и обедали вместе с капитаном и кузеном Бенедиктом, которому отвели клетушку на носу судна.

¹ Ют — кормовая часть палубы судна.

Сам капитан Халл перебрался в каюту, предназначенную для его помощника. Но, как известно, экипаж «Пилигрима» ради экономии не был укомплектован полностью, и капитан обходился без помощника.

Команда «Пилигрима» — искусные и опытные моряки, державшиеся одинаковых взглядов и одинаковых привычек, — жила мирно и дружно. Они плавали вместе уже четвертый промысловый сезон. Все матросы были американцами, все с побережья Калифорнии и с давних пор знали друг друга.

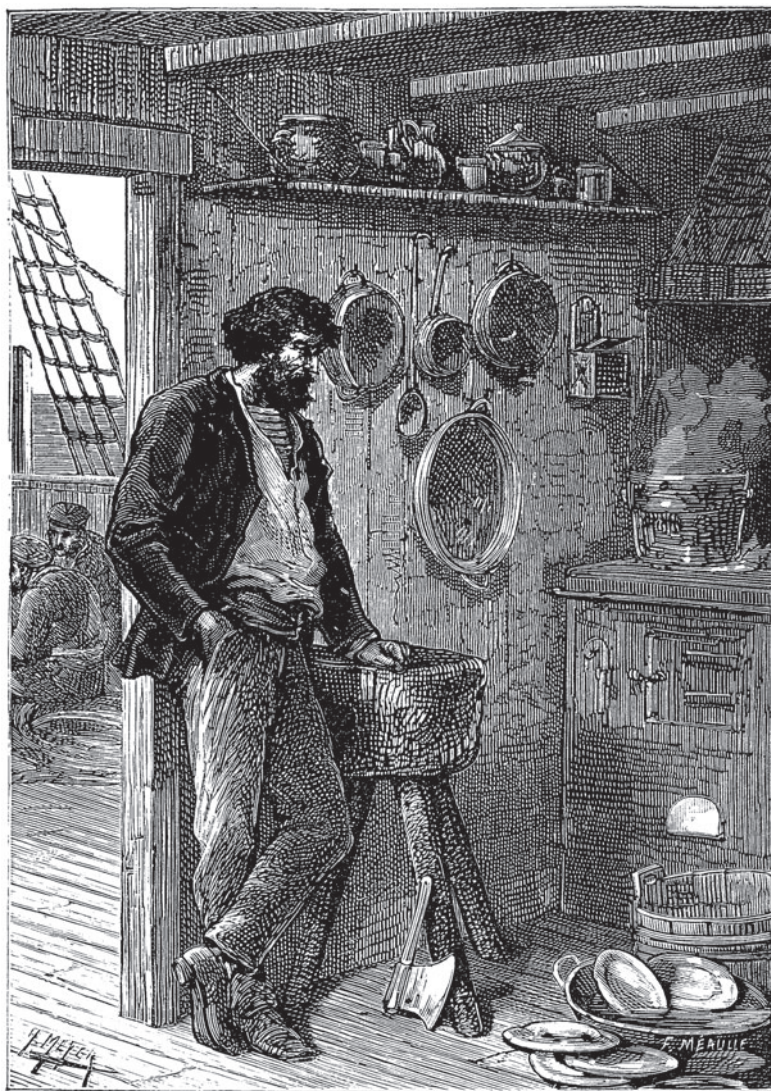
Эти славные люди были очень предупредительны по отношению к миссис Уэлдон, жене судовладельца, к которому они питали беспредельную преданность. Надо сказать, что все они были очень заинтересованы в прибыльности китобойного промысла и до сих пор получали немалый доход от каждого плавания. Правда, они трудились не жалея сил, так как судовая команда была весьма невелика, но зато их малочисленность увеличивала долю каждого при подведении баланса по окончании сезона. На этот раз, правда, почти никакого дохода не ожидалось, и потому они с достаточным основанием проклинали «этих негодяев с Новой Зеландии».

Только один человек на судне не был американцем по происхождению. Негоро, выполнявший на «Пилигриме» скромные обязанности судового кока, родился в Португалии. Впрочем, и он отлично говорил по-английски.

После того как прежний кок сбежал в Окленде, Негоро предложил капитану свои услуги. Этот молчаливый, замкнутый человек сторонился товарищей, но дело свое знал неплохо. У капитана Халла, который его нанял, очевидно, был верный глаз: за время своей работы на «Пилигриме» Негоро ни разу не заслужил ни малейшего упрека.

И все-таки капитан Халл сожалел, что не успел навести справок о прошлом нового кока. Внешность португальца и особенно бегающие глаза не очень нравились капитану, а прежде чем допустить незнакомца в крохотный, тесный мирок китобойного судна, необходимо все узнать о его прежней жизни.

Негоро на вид было около сорока лет. Среднего роста, худощавый, жилистый, черноволосый и смуглый, он производил впечатление сильного человека. Получил ли он какое-нибудь образование? По-видимому, да, если судить по замечаниям, которые у него изредка вырывались. Впрочем, Негоро никогда не говорил ни о своем прошлом, ни о своей семье. Никто не знал, где он жил и что делал раньше. Никто не знал и что он собирается делать потом. Он сказал только, что намерен списаться на берег в Вальпараисо. В общем, он был странный человек. И несомненно, не моряк. В морском деле он смыслил даже меньше, чем обычный кок, который значительную часть своей жизни провел в плаваниях.

*Негоро был молчаливый, замкнутый человек
сторонился товарищей...*

Однако ни боковая, ни килевая качка на него не действовала, морской болезнью, которой подвержены новички, он не страдал, а это уже немалое преимущество для судового повара.

Как бы то ни было, Негоро редко выходил на палубу. Весь день он обычно проводил на своем крохотном камбузе, большую часть которого занимала кухонная плита. С наступлением ночи, погасив огонь в плите, Негоро удалялся в каморку, отведенную ему на носу. Там он тотчас же ложился спать.

Как уже было сказано, экипаж «Пилигрима» состоял из пяти матросов и одного младшего матроса.

Этот пятнадцатилетний младший матрос был сыном неизвестных родителей. Его еще совсем крошкой нашли у чужих дверей, и вырос он в воспитательном доме.

Дик Сэнд — так звали его, — по-видимому, родился в штате Нью-Йорк, а может быть, и в самом городе Нью-Йорке.

Имя Дик, уменьшительное от Ричарда, было дано подкидышу в честь сострадательного прохожего, который подобрал его и доставил в воспитательный дом. Фамилия же Сэнд служила напоминанием о том месте, где был найден Дик, — о песчаной косе Сэнди-Хук в устье реки Гудзона, у входа в Нью-Йоркский порт.

Дик Сэнд был невысок и не обещал стать в дальнейшем выше среднего роста, но крепко сколочен. В нем сразу чувствовался англосакс, хотя он был темноволос, а глаза у него были темно-синие. Трудная работа моряка уже подготовила его к житейским битвам. Его умное лицо дышало энергией. Это было лицо человека не только смелого, но и способного дерзать.

Часто цитируют три слова незаконченного стиха Вергилия: «*Audaces fortuna juvat...*» («Смелым судьба помогает...»), но цитируют неправильно. Поэт сказал: «*Audentes fortuna juvat...*» («Дерзающим судьба помогает...») Дерзающим, а не просто смелым почти всегда улыбается судьба. Смелый может иной раз действовать необдуманно. Дерзающий сначала думает, а затем действует. В этом тонкое различие.

Дик Сэнд был «*audens*» — дерзающий. В пятнадцать лет он умел уже принимать решения и доводить до конца все то, на что обдуманно решился. Его оживленное и серьезное лицо привлекало внимание. В отличие от большинства своих сверстников Дик был скуп на слова и жесты. В возрасте, когда дети еще не задумываются о будущем, Дик осознал свое жалкое положение и твердо решил «выбиться в люди» своими силами.

И он добился своего: он был уже почти мужчиной в ту пору, когда его сверстники еще оставались детьми.

Ловкий, подвижный и сильный, Дик был одним из тех одаренных людей, о которых можно сказать, что они родились с двумя правыми руками и двумя левыми ногами: что бы они ни делали — им все «с руки», с кем бы они ни шли — они всегда ступают «в ногу».

Как уже было сказано, Дика воспитали за счет общественной благотворительности. Сначала его поместили в приют для подкидышей, каких много в Америке. В четыре года его стали учить чтению, письму и счету в одной из тех школ штата Нью-Йорк, которые содержатся на пожертвования великодушных благотворителей.

В восемь лет врожденная страсть к морю заставила его устроиться юнгой на судно, совершавшее рейсы в южные страны. На корабле он стал

изучать морское дело, которому и следует учиться с детских лет. Судовые офицеры хорошо относились к пытливому мальчугану и охотно руководили его занятиями. Юнга вскоре должен был стать младшим матросом — несомненно, в ожидании дальнейшей карьеры. Тот, кто с детства знает, что труд — закон жизни, кто смолоду понял, что хлеб добывается только в поте лица (заповедь Библии, ставшая правилом для человечества), тот предназначен для больших дел, ибо в нужный день и час у него найдется воля и силы для свершения их.

Оказавшись как-то на борту торгового судна, где служил Дик, капитан Халл обратил внимание на способного юнгу. Бравый моряк полюбил смелого мальчика, а вернувшись в Сан-Франциско, рассказал о нем своему хозяину Джемсу Уэлдону. Тот заинтересовался судьбой Дика, определил его в школу в Сан-Франциско и помог окончить ее, воспитывая его в католической вере, которой придерживалась и семья самого судовладельца.

Дик жадно поглощал знания, особенно интересуясь географией и историей путешествий, в ожидании того времени, когда возраст позволит ему изучать ту часть математики, которая имеет отношение к навигации. Но он не пренебрегал и практической подготовкой. Окончив школу, он поступил младшим матросом на китобойное судно своего благодетеля Джемса Уэлдона. Дик знал, что «большая охота» — китобойный промысел — не менее важна для воспитания настоящего моряка, чем дальние плавания. Это отличная подготовка к профессии моряка, чреватой всяческими неожиданностями. К тому же этим учебным судном оказался «Пилигрим», плававший под командованием его покровителя — капитана Халла. Таким образом, молодому матросу были обеспечены наилучшие условия для обучения.

Стоит ли упоминать, что юноша был глубоко предан семье Уэлдон, которой он был стольким обязан? Пусть факты говорят сами за себя. Но легко можно представить себе, как обрадовался Дик, когда узнал, что миссис Уэлдон с сыном совершат плавание на «Пилигриме». Миссис Уэлдон в продолжение нескольких лет заменяла Дикку мать, а маленького Джека он любил, как родного брата, хотя и понимал, что положение у него совсем иное, чем у сына богатого судовладельца. Но его благодетели отлично знали, что семена добра, которые они посеяли, пали на плодородную почву. Сердце сироты Дика было полно благодарности, и он, не колеблясь, отдал бы жизнь за тех, кто помог ему получить образование. В общем, пятнадцатилетний юноша действовал и мыслил, как взрослый человек тридцати лет, — таков был Дик Сэнд.

Миссис Уэлдон высоко ценила Дика. Она знала, что может спокойно доверить ему своего маленького Джека. Дик Сэнд обожал малыша, который льнул к нему, чувствуя, что «старший братец» любит его. В те долгие часы досуга, которые часты при плавании в хорошую погоду в открытом

Дик с Джеком были почти все время вместе.

море, когда все паруса поставлены и не требуют никакой работы, Дик с Джеком были почти все время вместе. Молодой матрос развлекал ребенка, показывал ему все, что могло быть для мальчика занимательным в морском деле. Миссис Уэлдон без страха смотрела, как Джек взбирался по вантам то на грот-марс, то на фор-брам-стенгю¹ и стрелой скользил по снастям вниз на палубу. Дик Сэнд всегда был возле малыша, готовый

¹ Грот-марс — площадка на задней мачте; фор-брам-стенгя — третья часть составной передней мачты.

поддержать, подхватить его, если бы ручки пятилетнего Джека вдруг ослабели. Упражнения на вольном воздухе шли на пользу ребенку, только что перенесшему тяжелую болезнь; морской ветер и ежедневная гимнастика быстро возвратили здоровый румянец его побледневшим щекам.

Вот так шла жизнь на борту «Пилигрима». Не будь восточных ветров, ни у экипажа, ни у пассажиров не было бы никаких оснований жаловаться.

Однако упорство восточного ветра не нравилось капитану Халлу. Ему никак не удавалось лечь на более благоприятный курс. К тому же он опасался на дальнейшем пути попасть в полосу штилей у тропика Козерога, не говоря уж о том, что экваториальное течение могло отбросить его дальше на запад. Капитан беспокоился главным образом о миссис Уэлдон, хотя и сознавал, что он неповинен в этой задержке. Если бы неподалеку от «Пилигрима» прошел какой-нибудь океанский пароход, направляющийся в Америку, он обязательно посоветовал бы своей пассажирке пересесть на него. Но, к несчастью, «Пилигрим» отклонился так далеко на юг, что трудно было надеяться встретить пароход, следующий в Панаму. Да и сообщение между Австралией и Новым Светом через Тихий океан в то время не было столь оживленным, каким оно стало впоследствии. Капитану Халлу оставалось только ждать, пока погода не смилостивится над ним. Казалось, ничто не должно было нарушить однообразия этого морского путешествия, как вдруг именно в этот день, 2 февраля, под широтой и долготой, указанными в начале этой повести, произошло первое неожиданное событие.

День был солнечный и ясный. Часов около девяти утра Дик Сэнд и Джек забрались на салинг¹ фок-мачты; оттуда им видна была вся палуба корабля и широкие просторы океана. Лишь часть горизонта за кормой заслонялась грот-мачтой, которая несла грот и топсель. Впереди над волнами поднимался острый бушприт с тремя туго натянутыми кливерами, похожими на три крыла неравной величины. Под ногами у них вздувалось полотнище фока, а над головой — фор-марсель и брамсель. Шхуна держалась возможно круче к ветру.

Дик Сэнд объяснял Джеку, почему правильно нагруженный «Пилигрим» не может опрокинуться, хотя он и кренится довольно сильно на штирборт², как вдруг мальчик прервал его восклицанием:

— Что это?!

— Ты что-нибудь увидел, Джек? — спросил Дик Сэнд, выпрямившись во весь рост на рее.

— Да, да! Вон там! — сказал Джек, указывая на какую-то точку, видневшуюся в просвете между кливером и стакселем.

¹ Салинг — горизонтальные брусья, соединяющие части мачты.

² Штирборт — правая сторона (борт) судна.

Вглядевшись в ту сторону, куда указывал Джек, Дик Сэнд крикнул во весь голос:

— Справа по носу, под ветром, затопленное судно!

Глава III

СУДНО, ПОТЕРПЕВШЕЕ КРУШЕНИЕ

Возглас Дика Сэнда всполошил весь экипаж. Свободные от вахты матросы бросились на палубу. Капитан Халл покинул свою каюту и пошел на нос.

Миссис Уэлдон, Нэн и даже невозмутимый кузен Бенедикт, облокотившись о поручни штирборта, старались разглядеть затонувшее судно, о котором сообщил Дик.

Только Негоро остался в каморке, которая служила на судне камбузом. Из всей команды лишь его одного, по-видимому, не заинтересовала эта неожиданная встреча.

Замеченный Диком предмет покачивался на волнах примерно в трех милях от «Пилигрима».

— Что бы это могло быть? — спросил один из матросов.

— По-моему, брошенный плот! — ответил другой.

— Может быть, там какие-нибудь несчастные терпят бедствие? — сказала миссис Уэлдон.

— Подойдем поближе — узнаем, — ответил капитан Халл. — Однако мне кажется, что это не плот, скорее это опрокинувшийся набок корпус корабля...

— Нет!.. По-моему, это гигантское морское животное! — заявил кузен Бенедикт.

— Не думаю, — сказал Дик Сэнд.

— А что это по-твоему, Дик? — спросила миссис Уэлдон.

— Я так же, как и капитан Халл, полагаю, что это накренившийся набок корпус судна, миссис Уэлдон. По-моему, я различаю даже, как блестит на солнце его медная обшивка.

— Да... да... теперь и я вижу, — подтвердил капитан.

И, повернувшись к рулевому, он скомандовал:

— Спускайся под ветер, Болтон, держи прямо на это судно!

— Есть, капитан! — ответил рулевой.

— Я остаюсь при своем мнении, — заявил кузен Бенедикт. — Бесспорно, перед нами морское животное.

— В таком случае это медный кит, — сказал капитан Халл. — Смотрите, как он сверкает на солнце.

— Если это и кит, кузен Бенедикт, то во всяком случае мертвый, — заметила миссис Уэлдон. — Ясно видно, что он лежит без движения.

— Ну и что, кузина Уэлдон? — настаивал на своем ученый. — Это будет не первый случай, когда корабль повстречает спящего на воде кита!

— Так-то оно так, — сказал капитан Халл, — и все-таки перед нами не спящий кит, а судно.

— Посмотрим, — сказал упрямец.

Впрочем, кузену Бенедикту не было никакого дела до китов, и он променял бы всех млекопитающих арктических и антарктических морей на одно редкое насекомое.

— Одерживай Болтон, одерживай! — крикнул капитан Халл. — Не надо подходить к судну ближе, чем на кабельтов¹. Мы-то уж ничем не можем повредить этому бедняге, но мне вовсе не улыбается, чтобы он помял бок «Пилигриму». Приводи в бейдевинд!²

Легким движением руля «Пилигрим» был повернут немного влево.

Шхуна находилась еще на расстоянии доброй мили от накренившегося корабля. Матросы с жадным любопытством вглядывались в него. Быть может, в трюмах его хранится ценный груз, который удастся взять на «Пилигрим»? Известно, что за спасение груза с тонущего корабля выдается премия в размере одной трети его стоимости. Если содержимое трюма не повреждено водой, экипаж «Пилигрима» мог получить хороший «улов» и за один день возместить неудачу целого сезона.

Через четверть часа «Пилигрим» был уже в полумиле от плавающего предмета. Теперь не осталось никаких сомнений: это действительно был корпус опрокинувшегося набок корабля. Палуба его стояла почти отвесно. Мачты были снесены. От всех снастей остались лишь повисшие обрывки троса и порванные такелажные цепи. На скуле правого борта зияла большая пробоина. Шпангоуты и обшивка были вмяты внутрь.

— Этот корабль столкнулся с каким-то другим судном! — воскликнул Дик Сэнд.

— Да, несомненно, — подтвердил капитан Халл. — Просто чудо, что он тут же не затонул.

— Будем надеяться, что корабль, который налетел на это судно, снял с него всю команду, — заметила миссис Уэлдон.

— Да, будем надеяться, миссис Уэлдон, — ответил капитан Халл. — А может быть, экипажу после столкновения удалось спастись на собственных шлюпках, если протаранивший их корабль ушел от них, — такие случаи, к сожалению, бывают.

— Не может быть, капитан! Ведь это ужасная бесчеловечность!

¹ Кабельтов — морская мера длины, равная 0,1 морской мили, или 185,2 метра.

² Бейдевинд — курс под острым углом к встречному ветру.

— К сожалению, так бывает, миссис Уэлдон. Примеров сколько угодно. На этом корабле не осталось ни одной шлюпки, и надо полагать, что команда покинула его. Будем надеяться, что несчастных подобрало какое-нибудь встречное судно. Ведь добраться до суши на шлюпках отсюда почти невозможно — слишком велико расстояние до ближайших островов и тем более до Американского континента.

— Удастся ли когда-нибудь разгадать тайну этой катастрофы? — сказала миссис Уэлдон. — Как вы думаете, капитан Халл, остался на судне кто-нибудь из команды?

— Вряд ли, миссис Уэлдон, — ответил капитан Халл. — Нас бы уже давно заметили и подали какой-нибудь сигнал. Впрочем, мы сейчас проверим это... Держи немного круче к ветру, Болтон, приводи в крутой бейдевинд! — крикнул капитан, указывая рукой направление.

«Пилигрим» находился всего в трех кабельтовых от потерпевшего крушение корабля. Теперь уже не было никаких сомнений, что команда покинула его.

Внезапно Дик Сэнд сделал знак, чтобы все замолчали.

— Слушайте! Слушайте! — сказал он. Все насторожились.

— Кажется, собака лает!.. — воскликнул Дик Сэнд.

С тонущего корабля действительно доносился собачий лай. Там, несомненно, была живая собака. Может быть, она не могла выбраться, потому что люки были закрыты. Во всяком случае, ее не было видно.

— Если даже там осталась одна лишь собака, спасем ее, капитан, — сказала миссис Уэлдон.

— Да, да! — воскликнул маленький Джек. — Надо спасти собачку! Я сам буду кормить ее. Она нас полюбит... Мама, я сейчас сбегаю прине-су ей кусочек сахару!

— Не ходи, сынок, — улыбаясь, сказала миссис Уэлдон. — Бедное животное, должно быть, умирает с голоду и, вероятно, предпочло бы хлебку твоему сахару.

— Так отдай ей мой суп, — сказал мальчик. — Я могу обойтись без супа!

С каждой минутой лай слышался все явственнее. Между двумя кораблями было теперь менее трехсот футов. Вдруг над бортом показалась голова крупного пса. Положив передние лапы за фальшборт, он отчаянно лаял.

— Хоуик! — позвал капитан боцмана. — Ложитесь в дрейф и велите спустить на воду шлюпку.

— Держись, собачка! Держись! — кричал Джек; собака продолжала лаять, словно отвечая ему.

Паруса «Пилигрима» быстро были обрасоплены¹ таким образом, что он оставался почти неподвижным в полукабельтове от потерпевшего крушение судна.

¹ Обрасопить — поставить паруса в другое положение, поворачивая реи при помощи брасов (прикрепленных к ним снастей).

Вдруг над бортом показалась голова крупного пса.

Шлюпка уже покачивалась на волне. Капитан Халл, Дик Сэнд и два матроса соскочили в нее.

Собака цеплялась за фальшборт, срывалась с него, падала на палубу и лаяла не переставая; но казалось, она лает не на быстро приближавшуюся шлюпку. Может быть, она звала пассажиров или матросов, запертых, как в тюрьме, на потерпевшем крушение судне?

«Неужели там есть живые люди?» — думала миссис Уэлдон.

Шлюпка была уже близка к цели, еще несколько взмахов весел, и она подойдет к круто поднявшемуся борту.

Собака снова залаяла. Но теперь она уже не призывала своим лаем спасителей на помощь. Наоборот, в ее голосе слышалась ярость. Всех удивила такая странная перемена.

— Что с собакой? — спросил капитан Халл, когда шлюпка огибала корму судна, чтобы пристать со стороны борта, погрузившегося в воду.

Ни капитан Халл, ни даже оставшиеся на «Пилигриме» матросы не заметили, что поведение собаки изменилось как раз в ту минуту, когда Негоро, выйдя с камбуза, появился на баке.

Неужели собака знала судового кока? Предположение совершенно неправдоподобное.

Как бы там ни было, но, мельком взглянув на бешено лающего пса и ничем не выразив удивления, Негоро только нахмурился, повернулся и ушел обратно на камбуз.

Шлюпка обогнула корму судна. Надпись на корме гласила: «Вальдек».

Наименования порта приписки не было. Но по форме корпуса и по некоторым особенностям конструкции, которые сразу бросаются в глаза моряку, капитан Халл понял, что корабль американский. Да и название подтверждало эту догадку. Корпус — вот все, что уцелело от большого брига водоизмещением в пятьсот тонн.

На носу «Вальдека» зияла широкая пробоина — след рокового столкновения. Благодаря тому, что судно дало крен, пробоина поднялась над водой на пять-шесть футов, — вот почему «Вальдек» не затонул.

На палубе не было ни души.

Собака, оставив борт, добралась по наклонной палубе до открытого центрального люка и продолжала лаять, то опуская голову в люк, то оборачиваясь к приплывшим.

— Очевидно, этот пес — не единственное живое существо на корабле, — заметил Дик Сэнд.

— Я тоже так думаю, — сказал капитан Халл.

Шлюпка плыла теперь вдоль погруженного в воду борта. Первая же большая волна неминуемо должна была пустить «Вальдек» ко дну.

На бриге все было начисто сметено. Торчали только основания гот-мачты и фок-мачты, не выше двух футов над палубой. Очевидно, мачты сломались при столкновении и упали за борт, увлекая за собой паруса и снасти. Однако в воде вокруг корабля нигде не было видно никаких обломков. Это могло означать только одно: катастрофа с «Вальдеком» произошла уже много дней назад.

— Если люди и уцелели после столкновения, — сказал капитан Халл, — то, вероятнее всего, они погибли от жажды и голода: ведь камбуз залит водой. Должно быть, на борту судна остались одни трупы.

— Нет! — воскликнул Дик Сэнд. — Нет! Собака не стала бы так лаять. Тут есть живые.

И он позвал собаку. Умное животное тотчас же соскользнуло в море и, едва перебирая лапами от слабости, поплыло к шлюпке. Когда собаку втащили в нее, она с жадностью бросилась — но не к сухарю, который протянул ей Дик Сэнд, а к ведерку с пресной водой.

— Бедный пес умирает от жажды! — воскликнул Дик Сэнд.

Ища, где бы поудобнее причалить, шлюпка отошла на несколько футов от палубы тонущего корабля. Собака, очевидно, решила, что ее спасатели не хотят подняться на борт. Схватив Дика Сэнда за полу куртки, она опять громко и жалобно залаяла.

Движения собаки и ее лай были понятнее всяких слов.

Шлюпка подошла к крамболу¹ левого борта. Матросы надежно закрепили ее, и капитан Халл с Диком Сэндом прыгнули на палубу одновременно с собакой. Не без труда, ползком, добрались они до центрального люка, зиявшего между двумя обломками мачт, и спустились в трюм.

В полузатопленном трюме не было никаких товаров. Бриг шел только под балластом; теперь песок пересыпался на левый борт и своей тяжестью удерживал судно на боку.

Надежды на ценный груз не оправдались. Тут нечего было спасать.

— Здесь никого нет, — сказал капитан Халл.

— Никого, — подтвердил Дик Сэнд, пройдя в переднюю часть трюма.

Но собака на палубе продолжала заливаться лаем, как будто настойчиво стараясь привлечь внимание людей.

— Идем обратно, — сказал капитан Халл.

Они поднялись на палубу.

Собака подбежала к ним и стала тянуть их к юту.

Они пошли за нею.

Там, на полу кубрика², лежали пять человек — вероятно, пять трупов.

При ярком дневном свете, проникавшем через решетку, капитан Халл увидел, что это были негры.

Дик Сэнд переходил от одного к другому. Ему показалось, что несчастные еще дышат.

— На борт «Пилигрима»! Всех на борт! — приказал капитан Халл.

Были вызваны матросы, оставшиеся в шлюпке. Они помогли вынести потерпевших крушение из кубрика.

Это было нелегкое дело, но через несколько минут всех пятерых спустили в шлюпку. Никто из них не приходил в сознание. Однако можно было надеяться, что несколько капель лекарства и глоток-другой воды возвратят их к жизни.

¹ Крамбол — балка, с помощью которой поднимают якорь.

² Кубрик — жилое помещение для команды.

Умное животное тотчас же соскользнуло в море и, едва перебирая лапами от слабости, поплыло к шлюпке.

«Пилигрим» лежал в дрейфе всего в полукабельтове, и шлюпка быстро подплыла к нему.

При помощи каната, спущенного с грот-мачты, потерпевших крушение одного за другим подняли на палубу «Пилигрима». Не была забыта и собака.

— Ах, бедные! — воскликнула миссис Уэлдон при виде пяти распростертых неподвижных тел.

— Они живы, миссис Уэлдон! — сказал Дик Сэнд. — Они еще живы. Мы их спасем!

— Что с ними случилось? — спросил кузен Бенедикт.

— Подождем, пока они придут в себя, и тогда они сами расскажут свою историю, — ответил капитан Халл. — Но прежде всего надо дать им воды и влить в нее немножко рому.

И, повернувшись к камбузу, он громко крикнул:

— Негоро!

При этом имени собака вся вытянулась, словно делая стойку, глухо заворчала, а шерсть у нее поднялась дыбом.

Кок не показывался и не отвечал.

— Негоро! — еще громче крикнул капитан Халл.

Собака яростно зарычала.

Негоро вышел из камбуза.

Не успел он сделать и шага, как собака прыгнула, стремясь вцепиться ему в горло.

Португалец отшвырнул ее ударом кочерги, которой он вооружился, выходя из камбуза. Двое матросов схватили собаку.

— Вы знаете этого пса? — спросил капитан Халл у кока.

— Я? — удивленно воскликнул Негоро. — И в глаза его никогда не видел!

— Странно! — прошептал Дик Сэнд.

Глава IV

СПАСЕННЫЕ С «ВАЛЬДЕКА»

Работорговля все еще широко распространена во всей Экваториальной Африке. Хотя вдоль берегов континента крейсируют английские и французские военные корабли, суда работорговцев по-прежнему вывозят из Анголы и Мозамбика негров-невольников. Спрос на «черный товар» все еще велик во многих странах, увы — даже в странах цивилизованного мира.

Капитан Халл знал это.

Хотя та часть океана, где сейчас находился «Пилигрим», лежала в стороне от обычных путей невольничьих судов, капитан Халл решил, что негры, вероятно, принадлежали к партии рабов, которых «Вальдек» вез для продажи в какую-нибудь колонию на Тихом океане.

На «Пилигриме» спасенных негров окружили самым заботливым уходом. Миссис Уэлдон с помощью Нэн и Дика Сэнда поила их с ложки свежей водой, которой они, вероятно, были лишены несколько дней.

В конце концов вода и несколько глотков бульона вернули бедных негров к жизни. Один из них — на вид старик лет шестидесяти — вскоре уже был в состоянии отвечать на вопросы. Он говорил по-английски.

— Что случилось с «Вальдеком»? — спросил прежде всего капитан Халл. — Он столкнулся с другим судном?

— Дней десять тому назад, темной ночью, когда все спали, на нас налетел какой-то корабль, — ответил старый негр.

— Что случилось с командой «Вальдека»?

— Не знаю. Когда мы поднялись на палубу, там уже никого не было, сэр.

— Вы думаете, экипаж «Вальдека» успел перебраться на борт того судна, которое с вами столкнулось?

— Надо надеяться, что так оно и было, сэр.

— И это судно после столкновения не остановилось, чтобы подобрать пострадавших?

— Нет.

— Может быть, оно затонуло?

— О нет, — покачав головой, ответил старый негр, — мы видели, как оно уходило во мрак.

То же подтвердили и все спасенные с «Вальдека». Как бы ни казалось это невероятным, однако нередко случается, что капитан корабля, по вине которого произошло какое-нибудь ужасное столкновение, спешит поскорее скрыться, нимало не заботясь о несчастных, которых он обрек на гибель, и даже не пытается оказать им помощь!

Строгого осуждения заслуживает даже возница, наехавший на улице на прохожего и пытающийся скрыться, предоставляя другим заботу о жертве своей неосторожности. А ведь пострадавшему от несчастного случая на улице быстро окажут первую помощь. Что же тогда сказать о людях, которые бросают на произвол судьбы утопающих в открытом море? Такие люди позорят род человеческий!

И все же капитан Халл мог бы рассказать о многих случаях такой бесчеловечной жестокости. Он повторил миссис Уэлдон, что, как ни чудовищны подобные факты, они, к сожалению, не так уж редки.

Затем он продолжал расспросы:

— Откуда шел «Вальдек»?

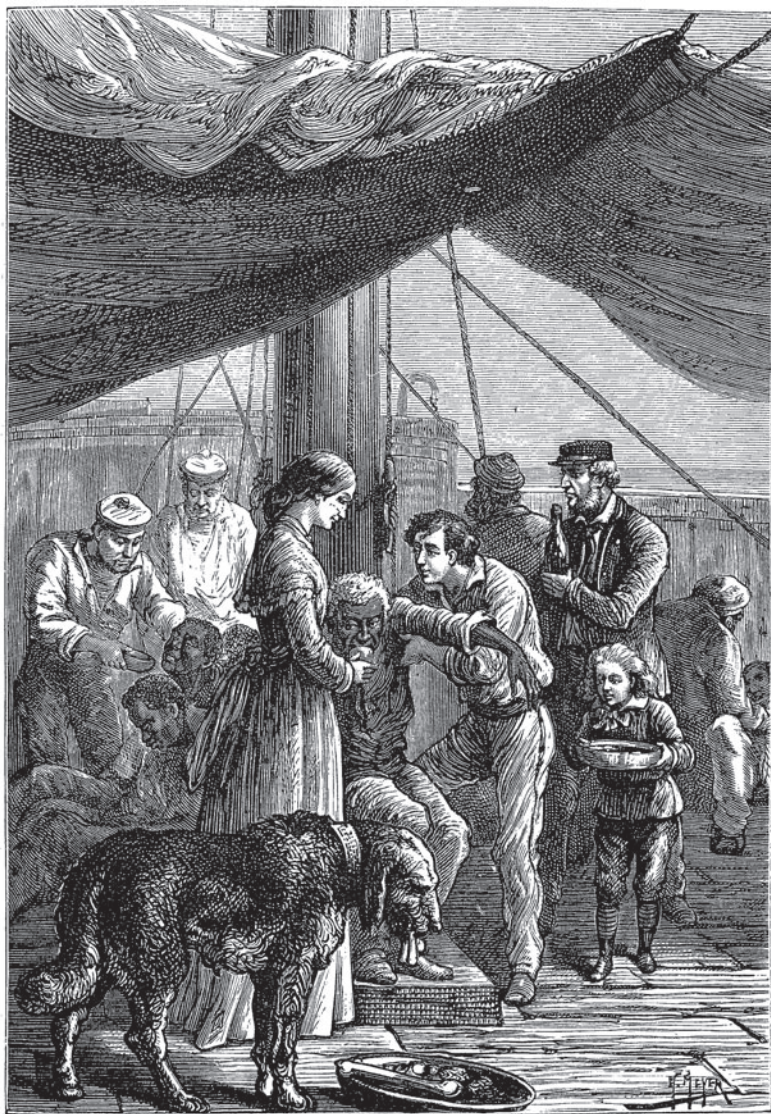
— Из Мельбурна.

— Значит, вы не рабы?

— Нет, сэр, — живо ответил негр, выпрямившись во весь рост. — Мы жители штата Пенсильвания, граждане свободной Америки.

— Друзья мои, — сказал капитан, — знайте, что на борту «Пилигрима», американского корабля, никто не покусится на вашу свободу.

Действительно, пять негров, спасенных «Пилигримом», были из штата Пенсильвания. самого старого из них продали в рабство шестилетним

Вода и несколько глотков бульона вернули бедных негров к жизни.

ребенком. Из Африки его доставили в Соединенные Штаты. Но здесь он уже давно получил свободу. Младшие его спутники родились свободными гражданами, и никто из белых не вправе был назвать их своей собственностью. Они даже не знали того жаргона, на котором говорили негры перед войной¹, жаргона, где не существовало спряжения и глаголы всегда

¹ Речь идет о Гражданской войне 1861—1865 годов в Северной Америке между северными и южными штатами. Северяне официально отменили рабство негров.

употреблялись только в неопределенной форме. Эти негры покинули Америку свободными гражданами и свободными же гражданами возвращались обратно.

Они рассказали капитану Халлу, что нанялись работать на плантации некоего англичанина неподалеку от Мельбурна, в Южной Австралии. Они проработали там три года и, скопив денег, по окончании контракта решили вернуться на родину.

Они уплатили за проезд на «Вальдеке» как обыкновенные пассажиры и 5 января отплыли из Мельбурна. Спустя семнадцать суток, темной ночью, «Вальдек» столкнулся с каким-то большим пароходом.

Негры в это время спали. Их разбудил страшный толчок.

Когда через несколько секунд они выбежали на палубу, мачты уже рухнули за борт и «Вальдек» лежал на боку, но он не пошел ко дну, так как в трюм попало сравнительно немного воды.

Капитан и команда «Вальдека» исчезли: вероятно, одних сбросило в море, другие уцепились за снасти налетевшего парохода, который после столкновения с «Вальдеком» поспешил скрыться.

Пятеро негров остались на полузатонувшем судне, в тысяче двухстах милях от ближайшей земли.

Старшего из негров звали Томом. Спутники признавали его своим руководителем. Этим Том был обязан не только возрасту, но и своей энергии и большому опыту, накопленному за долгую трудовую жизнь. Остальные негры были молодые люди в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет. Звали их: Бат, Остин, Актеон и Геркулес. Бат был сыном старика Тома.

Все четверо были рослыми и широкоплечими молодцами — на невольничьих рынках Центральной Африки за них дали бы высокую цену. Сейчас они были изнурены и истощены, но все же сразу бросалась в глаза могучая стать этих великолепных представителей крепкой черной расы и чувствовалось также, что на них наложило свою печать некоторое воспитание, полученное ими в одной из многочисленных школ Северной Америки.

Итак, после катастрофы Том и его товарищи остались одни на разбитом корабле. Они не были в состоянии ни исправить повреждения «Вальдека», ни покинуть его, потому что обе шлюпки разбились при столкновении. Спасти их могла только встреча с каким-нибудь кораблем. Потеряв управление, «Вальдек» стал игрушкой ветра и течения. Этим и объясняется, что «Пилигрим» встретил потерпевшее крушение судно далеко в стороне от его курса, много южнее обычного пути кораблей, следующих из Мельбурна в Соединенные Штаты.

В течение десяти дней, которые прошли с момента катастрофы до появления «Пилигрима», пятеро негров питались продуктами, найденными в буфете кают-компании. Бочки с пресной водой, хранившиеся на палу-

бе, разбились при столкновении, а камбуз, на котором можно было бы найти чем подкрепиться, оказался под водой.

На девятый день Том и его товарищи, жестоко страдавшие от жажды, потеряли сознание; «Пилигрим» подоспел на помощь как раз вовремя.

В немногих словах Том рассказал все это капитану Халлу. Сомневаться в правдивости рассказа старого негра не приходилось. Сами факты говорили за это, да и спутники Тома подтверждали его слова.

Другое живое существо, спасенное с тонущего корабля, вероятно, повторило бы то же самое, будь оно наделено даром речи. Мы имеем в виду собаку, которая пришла в такую ярость, когда увидела Негоро. В этой антипатии животного к судовому коку было что-то необъяснимое.

Динго — так звали собаку — был из породы крупных сторожевых собак, какие водятся в Новой Голландии¹. Однако капитан «Вальдека» приобрел Динго не в Австралии. Два года назад он нашел полумертвую от голода собаку на западном берегу Африки близ устья реки Конго. Ему понравилось прекрасное животное, и он взял его к себе на корабль. Однако Динго не привязался к новому владельцу. Можно было подумать, что он тоскует по прежнему хозяину, с которым его насильно разлучили и которого невозможно было разыскать в этой пустынной местности.

Две буквы, «S» и «V», выгравированные на ошейнике, — вот все, что связывало собаку с ее прошлым, оставшимся для нового хозяина неразрешимой загадкой.

Динго был большим, сильным псом, крупнее пиренейских собак, и мог считаться превосходным образцом новоголландской породы. Когда он вставал на задние лапы и вскидывал голову, то был ростом с человека. Мускулистый, сильный, необычайно подвижный, он был из тех собак, которые, не колеблясь, нападают на ягуара и пантеру и не боятся в одиночку схватиться с медведем. Шерсть у Динго была густая, темно-рыжая, с белесоватыми подпалинами на морде, хвост длинный, пушистый и упругий, как у льва. Такая собака в разъяренном состоянии могла оказаться опасным врагом, и неудивительно, что Негоро не был в восторге от приема, который оказал ему этот сильный пес.

Динго не отличался общительностью, но его нельзя было назвать и злым. Скорее он казался грустным. Старый Том еще на «Вальдеке» заметил, что Динго как будто недолюбливает негров. Он не пытался причинять им зло, но неизменно держался от них в стороне. Быть может, во время его блужданий по африканскому побережью туземцы дурно обращались с ним? Так или иначе, но он не подходил к Тому и его товарищам, хотя это были славные, добрые люди. В те десять дней, которые они провели вместе на борту потерпевшего крушение корабля, Динго по-прежнему сторо-

¹ Новая Голландия — старинное название Австралии.

нился товарищей по несчастью. Чем он питался в это время, осталось неизвестным, но так же, как и люди, он жестоко страдал от жажды.

Таковы были те, кого сняли с потерпевшего крушение судна. При первом же волнении на море оно должно было затонуть и, конечно, унесло бы с собой в пучину океана лишь трупы. Но неожиданная встреча с «Пилигримом», который задержался в пути из-за штилей и противных ветров, дала возможность капитану Халлу совершить доброе дело.

Надо было только довести это дело до конца, вернув на родину спасенных с «Вальдека» негров, которые в довершение несчастья лишились всех своих сбережений, скопленных за три года работы. Это и предполагалось сделать. «Пилигрим», разгрузившись в Вальпараисо, должен был пройти вдоль американского побережья до берегов Калифорнии. И миссис Уэлдон великодушно обещала Тому и его спутникам, что там они найдут приют у ее мужа, мистера Джемса Уэлдона, и он снабдит их всем необходимым для возвращения в Пенсильванию. Несчастные могли теперь быть уверены в будущем, и им оставалось лишь благодарить миссис Уэлдон и капитана Халла. Действительно, они чувствовали себя в долгу перед ними и, хотя были лишь бедными неграми, надеялись когда-нибудь доказать им на деле свою благодарность.

Глава V

«S» И «V»

«Пилигрим» пошел дальше, стараясь, насколько возможно, держать курс на восток. Упорные штили немало беспокоили капитана Халла. В том, что переход из Новой Зеландии в Вальпараисо продлится лишнюю неделю или две, не было ничего тревожного. Однако эта непредвиденная задержка могла утомить пассажиров.

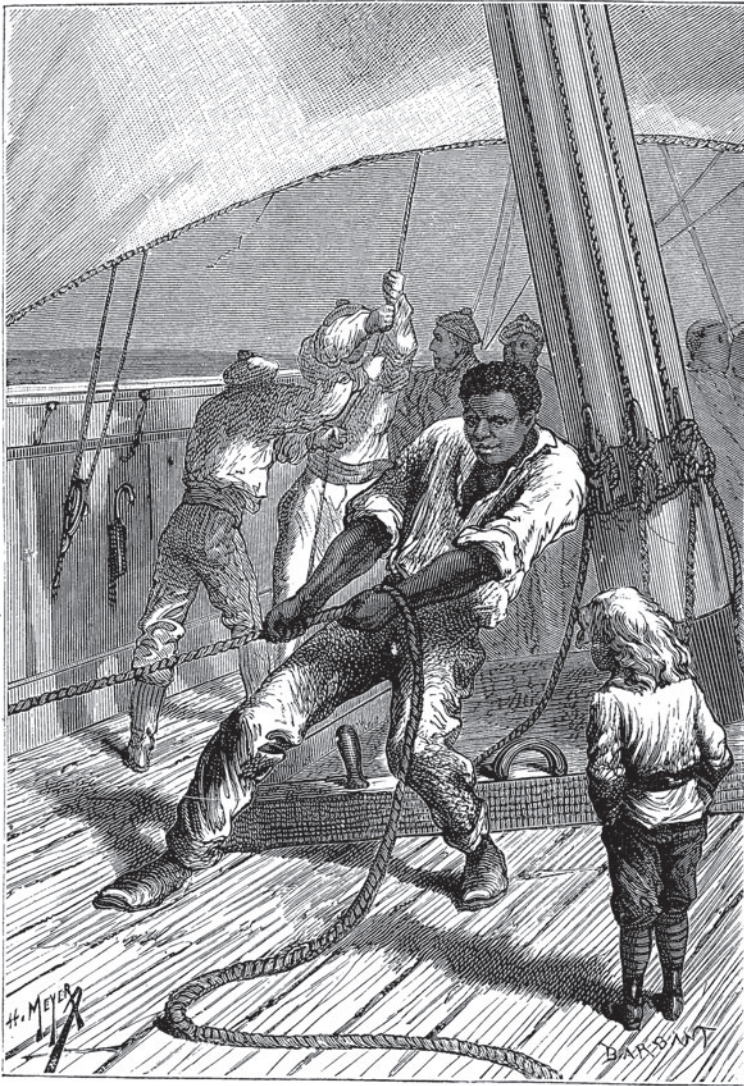
Но миссис Уэлдон не жаловалась и терпеливо сносила все неудобства плавания.

К вечеру этого дня, 2 февраля, корпус «Вальдека» исчез из виду.

Капитан Халл первым делом постарался поудобнее устроить Тома и его спутников. Тесный кубрик «Пилигрима» не мог вместить лишних пять человек, и капитан решил отвести им место на баке¹. Впрочем, эти закаленные люди, привыкшие работать в самых трудных условиях, были непривередливы. Если бы держалась хорошая погода — а дни стояли жаркие и сухие, — они вполне могли провести там все время плавания.

Жизнь на судне, однообразное течение которой лишь ненадолго нарушила встреча с «Вальдеком», снова вошла в свою колею.

¹ Бак — носовая часть верхней палубы.

Когда гигант Геркулес принимался тянуть какую-нибудь снасть, остальные матросы могли стоять сложа руки.

Том, Остин, Бат, Актеон и Геркулес очень хотели быть полезными. Но когда ветер дует все время в одном направлении и паруса уже поставлены, на судне почти нечего делать. Зато когда нужно было лечь на другой галс¹, старый негр и его товарищи спешили на помощь экипажу. И надо сказать, что, когда гигант Геркулес принимался тянуть какую-нибудь снасть, остальные матросы могли стоять сложа руки. Этот мо-

¹ Судно идет левым или правым галсом в зависимости от того, с какого борта (левого или правого) дует ветер.

гучий человек, ростом шесть футов с лишним, мог заменить собой лебедку.

Маленький Джек с восхищением смотрел, как работает великан. Он нисколько не боялся Геркулеса, и когда тот высоко подкидывал его в воздух, словно куклу, Джек визжал от восторга.

— Еще выше, Геркулес! — кричал он.

— Извольте, мистер Джек, — отвечал Геркулес.

— Я очень тяжелый?

— Да вы как перышко!

— Тогда подними меня высоко-высоко! Еще выше!

И когда Геркулес, захватив в свою широкую ладонь обе ножки Джека, вытянув руку, ходил с мальчиком по палубе, словно цирковой атлет, Джек глядел на всех сверху вниз и, воображая себя великаном, от души веселился. Он старался «сделаться тяжелее», но Геркулес даже не замечал его усилий.

Таким образом, у маленького Джека стало теперь два друга: Дик Сэнд и Геркулес.

Вскоре он приобрел и третьего — Динго.

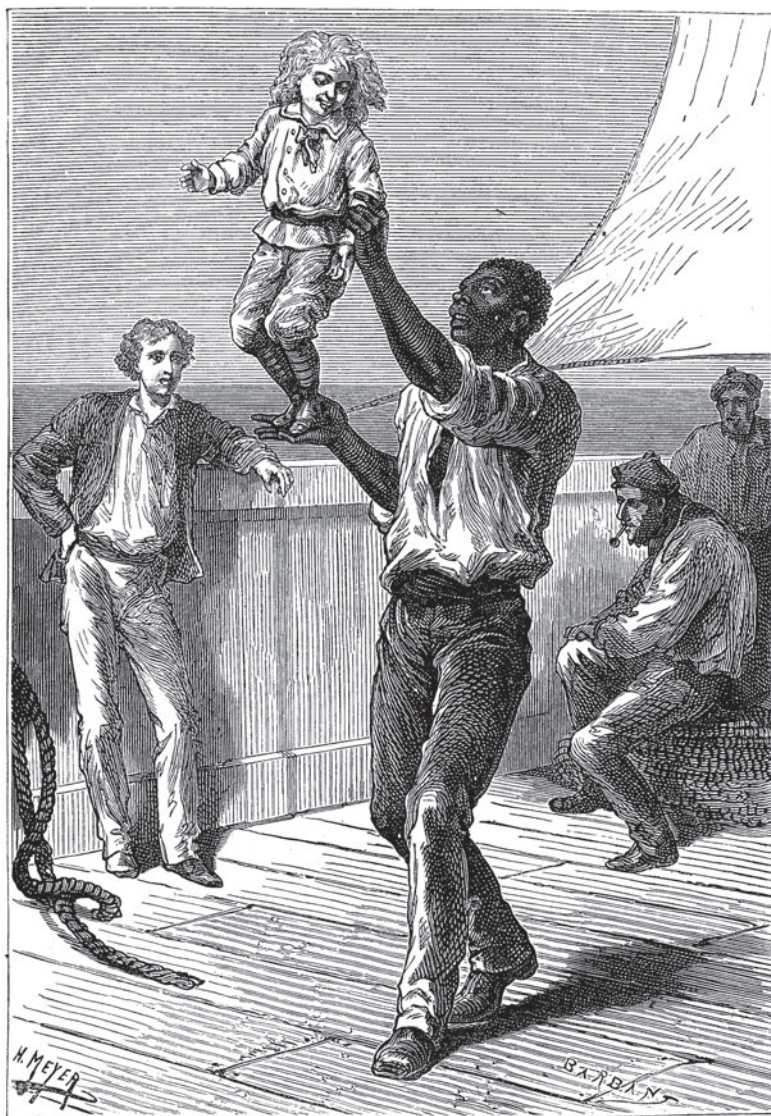
Как уже упоминалось, Динго был необщительным псом. Несомненно, это свойство развилось у него на «Вальдеке», где люди пришлось ему не по вкусу. Но на «Пилигриме» характер собаки быстро изменился. Джек, очевидно, сумел завоевать сердце Динго. Собака с удовольствием играла с мальчиком, а ему эти игры доставляли большую радость. Скоро стало видно, что Динго был из тех собак, которые особенно любят детей. Правда, Джек никогда не мучил его. Но превратить пса в резвого скакуна — разве это не заманчиво? Можно смело сказать, что всякий ребенок предпочтет такую лошадку самому красивому деревянному коню, даже если у того к ногам приделаны колесики. Джек часто с упоением скакал верхом на Динго, который охотно выполнял эту прихоть своего маленького друга: худенький мальчуган был для него гораздо более легкой ношей, чем жокей для скакового коня.

Зато какой урон терпел ежедневно запас сахара на камбузе!

Динго скоро стал любимцем всего экипажа. Один Негоро старался избегать встреч с Динго, который с первого же мгновения непонятно почему возненавидел его. Однако увлечение собакой не охладило любви Джека к старому другу — Дику Сэнду. По-прежнему юноша проводил со своим маленьким приятелем все часы, свободные от вахты. Миссис Уэлдон, само собой разумеется, была очень довольна этой дружбой.

Однажды — это было 6 февраля — она заговорила с капитаном Халлом о Дике Сэнде. Капитан горячо хвалил молодого матроса.

— Ручаюсь вам, — говорил он миссис Уэлдон, — что этот мальчик станет замечательным моряком. Право, у него врожденный инстинкт моряка. Меня поражает, с какой быстротой он усваивает знания в нашем де-

Геркулес высоко подкидывал Джека в воздух, словно куклу.

ле, хотя не имеет теоретической подготовки, и как много он узнал за короткое время!

— К этому надо добавить, — сказала миссис Уэлдон, — что он честный и добрый юноша, не по летам серьезный и очень прилежный. За все годы, что мы знаем его, он ни разу не подал ни малейшего повода к недовольству.

— Что и говорить! — подхватил капитан Халл. — Он славный малый! Недаром все его так любят.

— Когда мы вернемся в Сан-Франциско, — продолжала миссис Уэлдон, — муж отдаст его в морское училище, чтобы он мог потом получить диплом капитана.

— И мистер Уэлдон очень хорошо сделает, — заметил капитан Халл. — Я уверен, что Дик Сэнд когда-нибудь станет гордостью американского флота.

— У бедного сироты было тяжелое детство. Он прошел трудную школу, — сказала миссис Уэлдон.

— О да, но ее уроки не пропали даром. Дик понял, что только упорный труд поможет ему выбраться в люди, и сейчас он на правильном пути.

— Да, он будет человеком долга.

— Вот посмотрите на него, миссис Уэлдон, — продолжал капитан Халл. — Он несет сейчас вахту у штурвала и не спускает глаз с бизань-мачты. Он весь — сосредоточенность и внимание, поэтому судно не рыскает, а идет прямо по курсу. У мальчика уже сейчас сноровка старого рулевого. Хорошее начало для моряка! Знаете, миссис Уэлдон, ремеслом моряка надо заниматься с детства. Кто не начал службы юнгой, тот никогда не будет настоящим моряком, по крайней мере в торговом флоте. В детстве из всего извлекаешь уроки, и постепенно твои действия становятся не только сознательными, но и инстинктивными, а в результате моряк привыкает принимать решения так же быстро, как и маневрировать парусами.

— Однако, капитан, есть ведь немало отличных моряков и в военном флоте, — заметила миссис Уэлдон.

— Разумеется. Но, насколько я знаю, почти все лучшие моряки начинали службу с детства. Достаточно вспомнить Нельсона¹ да и многих других, начинавших службу юнгами.

В эту минуту из каюты вышел кузен Бенедикт. Погруженный, по обыкновению, в свои мысли, он с рассеянным видом блуждал по палубе, заглядывая во все щели, шаря под клетками с курами, проводя пальцами по швам и обшивке борта — там, где она не была обмазана смолой.

— Как вы себя чувствуете, кузен Бенедикт? — спросила миссис Уэлдон.

— Благодарю вас, хорошо, кузина. Как всегда... Но мне не терпится поскорее вернуться на землю.

— Что вы там ищете под скамьей, мистер Бенедикт? — спросил капитан Халл.

— Насекомых, сударь, насекомых! — сердито ответил кузен Бенедикт. — Что, по-вашему, я могу искать, если не насекомых?

¹ Нельсон (1758—1805) — английский адмирал.

— Насекомых? К сожалению, вам придется потерпеть: в открытом море вам вряд ли удастся пополнить свою коллекцию.

— Почему же так, сударь? Разве нельзя себе представить, что на корабле окажется несколько экземпляров...

— Нет, кузен Бенедикт, вы ничего тут не найдете, — прервала его миссис Уэлдон. — Сердитесь не сердитесь на капитана Халла, но он содержит свой корабль в такой безукоризненной чистоте, что все ваши поиски будут напрасны.

Капитан Халл рассмеялся.

— Миссис Уэлдон преувеличивает, — сказал он. — Однако мне кажется, вы действительно напрасно потеряете время, если будете искать насекомых в каютах.

— Знаю, знаю! — досадливо пожав плечами, воскликнул кузен Бенедикт. — Я уже обшарил все каюты сверху донизу...

— Но в трюме, — продолжал капитан Халл, — вы, пожалуй, найдете несколько тараканов, если они вас, конечно заинтересуют.

— Разумеется, заинтересуют! Как могут не интересовать меня эти ночные прямокрылые насекомые, которые навлекли на себя проклятия Вергилия и Горация! — возразил кузен Бенедикт, гордо выпрямившись во весь рост. — Как могут не интересовать меня эти близкие родственники *periplaneta orientalis* и американского таракана, обитающие...

— Грязнящие... — сказал капитан Халл.

— Царящие на борту! — гордо поправил его кузен Бенедикт.

— Хорошенькое царство!

— О, сразу видно, что вы не энтомолог, сударь!

— Ни в какой мере!

— Послушайте, кузен Бенедикт, — улыбаясь, сказала миссис Уэлдон, — надеюсь, вы не пожелаете, чтобы ради науки мы были съедены тараканами?

— Я желаю только одного, кузина! — ответил пылкий энтомолог. — Только одного: украсить свою коллекцию каким-нибудь редким экземпляром.

— Так вы недовольны своими новозеландскими находками?

— Напротив, очень доволен, кузина. Мне посчастливилось поймать там экземпляр жука-стафилина, которого до меня находили только в Новой Каледонии, то есть за несколько сот миль от Новой Зеландии.

В эту минуту Динго, который тем временем играл с Джеком, подбежал к кузену Бенедикту.

— Поди прочь, поди прочь! — закричал тот, отталкивая собаку.

— О, мистер Бенедикт, — воскликнул капитан Халл, — как можно любить тараканов и ненавидеть собак?

— Да еще таких хороших собачек! — сказал маленький Джек, обхватив обеими ручками голову Динго.

— Да... может быть... — проворчал кузен Бенедикт. — Но это мерзкое животное обмануло мои надежды.

— Как, кузен Бенедикт! — воскликнула миссис Уэлдон. — Неужели вы и Динго собирались зачислить в отряд двукрылых или перепончатокрылых?

— Нет, конечно, — вполне серьезно ответил ученый. — Но ведь Динго, хоть он и принадлежит к австралийской породе собак, был подобран на западноафриканском побережье!

— Совершенно верно, — подтвердила миссис Уэлдон. — Том слышал, как об этом говорил капитан «Вальдека».

— Так вот... я думал... я надеялся... что на этом животном окажутся какие-нибудь насекомые, присущие только западноафриканской фауне...

— О небо! — воскликнула миссис Уэлдон.

— И я полагал, что, может быть, на нем найдется какая-нибудь особенно злая блоха еще неизвестного, нового вида...

— Слышишь, Динго? — сказал капитан Халл. — Слышишь, пес? Ты не выполнил своих обязанностей!

— Но я напрасно вычесал ему шерсть, — продолжал с нескрываемым огорчением энтомолог, — на нем не оказалось ни одной блохи!

— Если бы вам удалось найти блох, надеюсь, вы бы немедленно уничтожили их? — воскликнул капитан.

— Сударь, — сухо ответил кузен Бенедикт, — вам не мешает знать, что сэр Джон Франклин¹ никогда напрасно не убивал насекомых, даже американских комаров, укусы которых несравненно болезненнее блошиных. Полагаю, вы не станете оспаривать, что сэр Джон Франклин в морском деле кое-что смыслил?

— Несомненно! — с поклоном ответил капитан Халл.

— Однажды его страшно искусал москит. Но Франклин только дунул на него и, отогнав, учтиво сказал: «Пожалуйста, уйдите. Мир достаточно велик для вас и для меня!»

— Ах так! — произнес капитан Халл.

— Да, сударь!

— А знаете ли вы, господин Бенедикт, — заметил капитан Халл, — что другой человек сказал это много раньше, чем Франклин?

— Другой?!

— Да. Звали его дядюшка Тоби.

— Кто он? Энтомолог? — живо спросил кузен Бенедикт.

— О нет, стерновский дядюшка Тоби² не был энтомологом, но это не помешало ему, без излишней, правда, учтивости, сказать мухе, которая

¹ Джон Франклин (1786—1847) — английский мореплаватель, исследователь полярных стран.

² Дядюшка Тоби — один из персонажей романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» английского писателя Лоренса Стерна (1713—1768).

жужжала около его носа: «Убирайся, бедняга! Свет велик, и мы можем жить, не стесняя друг друга!»

— Молодчина этот дядюшка Тоби! — воскликнул кузен Бенедикт. — Он уже умер?

— Полагаю, что да, — невозмутимо ответил капитан Халл, — так как он никогда не существовал.

И все рассмеялись, глядя на кузена Бенедикта.

Такие дружеские беседы помогали коротать долгие часы затянувшегося плавания. Само собой разумеется, что в присутствии кузена Бенедикта разговор неизменно вращался вокруг каких-нибудь вопросов энтомологической науки.

Море все время было спокойно, но слабый ветер еле надувал паруса шхуны, и «Пилигрим» почти не двигался на восток. Капитан Халл с нетерпением ждал, когда же судно достигнет наконец тех мест, где подуют более благоприятные ветры.

Надо сказать, что кузен Бенедикт пытался посвятить Дика Сэнда в тайны энтомологии. Но юноша уклонился от этой чести; тогда ученый начал, за неимением лучшего, читать лекции неграм. Дело кончилось тем, что Том, Бат, Остин и Актеон стали убегать от кузена Бенедикта, как только он показывался на палубе. Почтенному энтомологу приходилось довольствоваться только одним слушателем — Геркулесом, у которого он обнаружил врожденную способность отличать паразитов от щетинохвостых.

Великан-негр жил теперь в мире жуков-кожеедов, жужелиц, шелконов, рогачей, жуков-могильщиков, долгоносиков, навозников, божьих коровок, короедов, хрущей, зерновок. Он исследовал всю коллекцию кузена Бенедикта, который трепетал, видя своих хрупких насекомых в толстых и крепких, как тиски, пальцах Геркулеса. Но великан-ученик так внимательно слушал лекции, что профессор ради него решил рискнуть своими сокровищами.

В то время как кузен Бенедикт занимался с Геркулесом, миссис Уэлдон учила чтению и письму маленького Джека, а его друг, Дик Сэнд, знакомил его с начатками арифметики.

Пятилетний ребенок легче усваивает знания, когда уроки похожи на занимательную игру. Миссис Уэлдон учила Джека чтению не по букварю, а при помощи деревянных кубиков, на которых были нарисованы большие красные буквы. Малыша забавляло, что от сочетания их получаются слова. Сначала мать складывала какое-нибудь слово, а затем, перемешав кубики, предлагала Джеку самому сложить то же слово.

Мальчику нравилось учиться таким способом. Каждый день он подолгу возился со своими кубиками в каюте или на палубе, то складывая слова, то вновь перемешивая все буквы алфавита. Эта книга послужила при-

чиной происшествия, настолько необычайного и неожиданного, что о нем стоит рассказать подробнее.

Случилось это утром 9 февраля. Джек лежал на палубе и составлял из кубиков какое-то слово; старик Том должен был вновь составить это слово после того, как мальчик перемешает кубики. Соблюдая правила игры, Том закрыл глаза ладонью, чтобы не видеть, какое слово складывает Джек.

В наборе кубиков были не одни заглавные и строчные буквы, но также и цифры, — таким образом, эта игра служила пособием для обучения не только чтению, но и счету.

Джек выстроил все кубики в один ряд и, нахмутив брови, выбирал нужные ему, для того чтобы сложить слова. Работа была нелегкая, и мальчик так увлекся ею, что не обращал внимания на Динго, который кружил возле него. Вдруг собака замерла на месте, уставившись на один кубик. Потом подняла переднюю правую лапу, завалила хвостом, схватила в зубы кубик, отбежала в сторону и положила его на палубу.

На кубике была изображена заглавная буква «S».

— Динго, отдай! — крикнул мальчик, испугавшись, что собака разгрызет кубик.

Но Динго вернулся, взял еще один кубик и положил его рядом с первым. На втором кубике было нарисовано заглавное «V».

Тут Джек закричал.

На его крик прибежали миссис Уэлдон, капитан Халл и Дик Сэнд, гулявшие по палубе.

Джек рассказал им о том, что произошло.

Динго различает буквы! Динго умеет читать! Да, да! Джек видел это собственными глазами.

Дик Сэнд хотел взять кубики и вернуть их Джеку, но Динго встретил его рычанием.

Тем не менее юноша поднял кубики с палубы и поставил их в выстроенную шеренгу. Динго опять бросился к ней, снова выбрал те же две буквы и отнес их в сторонку. На сей раз он прижал кубики лапами, ясно показывая, что не намерен их отдавать. Другие буквы алфавита для него как будто не существовали.

— Странно! — воскликнула миссис Уэлдон.

— Действительно, очень странно, — сказал капитан Халл, пристально глядя на кубики.

— S, V, — прочитала миссис Уэлдон.

— S, V, — повторил капитан Халл. — Те же буквы, что и на ошейнике Динго! — И, внезапно обернувшись к старому негру, он спросил: — Том, вы, кажется, говорили, что эта собака лишь с недавних пор принадлежала капитану «Вальдека»?

— Да, сударь. Динго попал на «Вальдек» всего года два тому назад.